

Соломон
Волков
Диалоги
с Владимиром
Спиваковым

СОЛОМОН
ВОЛКОВ

**Диалоги
с Владимиром
Спиваковым**

Издательство АСТ
Москва

УДК 78.071
ББК 85.315
В67

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В книге использованы фотографии из семейного архива
ВЛАДИМИРА и САТИ СПИВАКОВЫХ,
в том числе фото В. АХЛОМОВА, М. ВОЛКОВОЙ, *Christian Steiner*, Ю. РОСТА, В. ПОМИ-
ГАЛОВА, А. РАТНИКОВА, А. ЧУМИЧЕВА, В. ГЛЫНИНА, Э. ЛЕВИНА, Е. БУРМИСТРО-
ВА, Е. КРАТТА, В. ЛОКТЕВА

Издательство благодарит всех фотографов, чьи работы были использованы в книге

На суперобложке — ВЛАДИМИР СПИВАКОВ и СОЛОМОН ВОЛКОВ
(фотограф *Christian Steiner*)

Волков, Соломон Моисеевич.

В67 Диалоги с Владимиром Спиваковым / СОЛОМОН ВОЛКОВ. — Москва : Издательство
АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 319, [1] с. — (Диалоги Соломона Волкова).

ISBN 978-5-17-087069-1

ВЛАДИМИР СПИВАКОВ — выдающийся скрипач и дирижер, удостоенный множества наград;
создатель камерного оркестра “Виртуозы Москвы”, основатель, художественный руководитель
и дирижер Национального филармонического оркестра России. СОЛОМОН ВОЛКОВ — ав-
тор книг-диалогов с Иосифом Бродским, Дмитрием Шостаковичем, Джорджем Балачиным,
а также книг-исследований по истории русской культуры — от царствования дома Романо-
вых до наших дней.

“Эта книга — попытка заглянуть в душу Спивакова поглубже. Уяснить для себя и других корни
его феноменального успеха и причины его уникальной позиции в современном искусстве”
(*Соломон Волков*).

УДК 78.071
ББК 85.315

ISBN 978-5-17-087069-1

© Волков С.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Соломон Волков. *Секрет Спивакова* 9

Интродукция (молитвы в футляре) 17

1. УВЕРТЮРА

Детство

В коммуналках 21

Мама 23

Первый учитель. Пустые струны 27

Музшкола. Методы воспитания 29

“Гнать таких надо!” Педагоги и одноклассники 32

Урок физкультуры. Отправить в нокаут 35

Наши наставники. Образец несправедливости 38

Под ноль. Отцовская наука 41

Переезд в Москву. Высокохудожественный прогульщик 43

Юрий Янкелевич. Розыгрыш 49

“Скрипка и немножко нервно” 52

“Музыканту с большой буквы”. Давид Ойстрах 54

2. ALLEGRO VIVACE (*живо*)

Начало карьеры

Сто грамм для храбрости 59

Музыкальный десант. Артуро Бенедетти Микеланджели 63

Несостоявшийся дуэт. Гленн Гульд 65

Песня о главном. Тихон Хренников 68

Отповедь тирану. Мария Юдина 72
Россия и Запад 74
Я думал, что убит. Инцидент в Карнеги-холле 76
Культурная изоляция 79
Советский бюрократ 80
Однопартийную систему — на двухкассетный
магнитофон. Невозвращенцы 82
Трудности репертуара: Бах — Бетховен — Брамс — Пейко 85

3. ANDANTE CANTABILE (*медленно и певуче*)

Путь в дирижеры.

Создание “Виртуозов Москвы”

Лорин Маазель. “Зачем тебе дирижировать?” 89

В подмастерьях. Израиль Гусман 94

Час пробил. Дирижерский дебют 95

Сообщество дарований 97

Олимпийская выдержка 99

Исторический экскурс. Что есть “Правда” 102

На голодном пайке. Альфонсо Айхон 105

Дружба на крови 107

Классика и генеральная линия 109

Смерть Сталина 111

Музыкальное братство 113

“Буся, выделяйся!” 119

Разбитые двери 122

О популизме 124

Китайская грамота 126

Болезнь скрипки. Мильштейн 128

4. ALLEGRO MAESTOSO (*быстро и величественно*)

Перестройка

Слово короля 133

Испытание раем 135

В девятом круге 138

Что дальше	140
Искус за границы. Корни и кроны	143
Франция. Мишель Глотц	145
Сати. Предчувствие	149
Искусство требует жертв	151
Отец-“заочник”	153
Фестиваль — из философии. Кольмар	157
“Ну постройте!” Дом музыки	161
Творить добро. Детский фонд	163
Когда опускаются руки	168
Разветься в Африке	169
Сила искусства	172

5. ANDANTE AUMENTATO (с нарастанием звука)

Большой симфонический оркестр

Предложение Плетнева	175
Кремль на проводе	177
Анатолий Собчак. “Париж Парижем...”	179
“Офицерское спасибо”	182
Музейные ценности	184
Стечение обстоятельств. Контрабас	185
Проба Америкой	187
Семь пудов соли	190
Тайны партитуры	194
“Сплошные нервы”	196
Русская традиция	198

6. ФУГА

Знаковые встречи

Дмитрий Шостакович. “Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба”	203
Мстислав Ростропович. “А теперь пошли меня на ...!”	214
Евгений Мравинский. “Этот не испортит”	220
Игорь Стравинский. Вальс для молодой слонихи	225
Евгений Светланов. “В меня вселился дух”	229

Кирилл Кондрашин. “Проверьте легкие!”	233
Леонард Бернстайн. “Потому что я Бернстайн!”	240
Альфред Шнитке. “Воплощенная мечта композитора”	243
Георгий Товстоногов. “Беру в мой театр!”	246
Владислав Стрельчик. “Бона сера!”	252
Евгений Лебедев. “Стучу копытом!”	253
Фаина Раневская. Сенбернар и Сара Бернар	254
Марчелло Мастроянни. Грустные глаза	256
Булат Окуджава. “Сердце мое — перезревшее яблоко”	259
Отец Александр Мень. Истинный проповедник	264
Мераб Мамардашвили. “Я мыслю, значит, я философствую”	269
Иосиф Бродский. Жизнь по соседству	272
“Верьте музыке: Проведеет сквозь гранит...”	275

ЭПИЛОГ 287

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сати Спивакова. *Когда б вы знали...* 295

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 301

Секрет Спивакова

Анна Ахматова, помнится, делила прославившихся людей на две категории: у кого “темечко выдержало” и у кого — нет. Так вот, у Владимира Спивакова “темечко выдержало”. Он не запил, не стал наркоманом, многоженцем, бабником, “фриком” (“Шишков, прости: не знаю, как перевести”). Остался честным музыкантом. А все потому, что Спиваков — художник с миссией, хотя и секретной.

Сразу оговорюсь. Я знаю Спивакова уже пятьдесят пять лет, ведь мы занимались у одного и того же профессора по классу скрипки в музыкальной школе при Ленинградской консерватории. За прошедшие годы мы провели в откровенных разговорах не одну сотню часов. Но Спиваков для меня до сих пор — человек-загадка. Какие-то створки своей души он иногда приоткрывает, а другие остаются наглухо закрытыми.

Он целен и целеустремлен, но он очень разный, этот Спиваков. Он не только музыкант. Он умница и эрудит, боксер, художник и философ. Любящий муж, внимательный отец. Стойкий, лояльный друг. Глубоко верующий человек, не выпячивающий свою веру напоказ, как это иногда случается.

Спиваков делает много добра. С ним легко говорить. С ним можно помолчать. Он часто сомневается в себе.

Ищет ответы на трудные вопросы, которые сам себе задает. Ошибается. Мучается потом... И старается не повторять своих ошибок.

Эта книга — попытка заглянуть в душу Спивакова поглубже, понять его. Уяснить для себя и других корни его феноменального успеха и причины его уникальной позиции в современном искусстве.

Но сначала блицэкскурс в историю новейшей культуры. Мы знаем, что XX век был ознаменован революционной победой так называемого высокого модернизма. Имена Пикассо, Стравинского, Джойса, Кафки у всех на устах, их творения вроде бы абсорбированы культурным мейнстримом. Это зачастую трагические сочинения, ответ и вызов зажавшемуся буржуазному обществу. В основном они носят экспериментальный характер, поэтому широкой аудиторией до сих пор воспринимаются не без внутреннего сопротивления.

На смену модернистам пришли постмодернисты — отнюдь не революционеры, хотя люди талантливые. Титанов вроде вышеперечисленных среди них пока не видно, но многие приобрели вполне заслуженную известность. Модернистское наследие было ими растащено по кусочкам и обглодано, часто — с чрезвычайно остроумным нигилистическим подхихикиванием. Искусство при этом все более превращалось в игру “для своих”. Образовался закрытый клуб: критики, кураторы, влиятельные советники мощных арт-фондов, отдельно взятые высокопоставленные чиновники.

А публике что делать? В игре на арт-поле ей участвовать недосуг, да и не подпустят к этому волнующему занятию “аутсайдеров”. А тяга к искусству остается, она никуда не исчезла, да и не может исчезнуть — рисункам на потол-

ке Альтамирской пещеры в Испании двадцать тысяч лет, это настоящие дикари сотворили, не чета нынешним.

Вот на эту огромную тягу, на этот запрос массы современных “аутсайдеров” на высокую культуру и отвечает Спиваков. Он с этой аудиторией ведет честный, красивый и искренний диалог поверх голов отечественных специалистов и профессиональных посредников, чем страшно их раздражает: если все понятно и без них, если в их изящных комментариях и многомудрых разъяснениях не нуждаются, то тогда зачем они?

Конечно, стремление спецов как-то “укусить” Спивакова вполне объяснимо и является частью вышеописанной игры. Но беда в том, что часто претензии нашей критики к Спивакову формулируются некорректным образом. Например, можно услышать, что Спиваков идет на поводу у своей публики, что его репертуар — и сольный, и в качестве руководителя “Виртуозов Москвы” и Национального филармонического оркестра России — облегченный, развлекательный. Неправда! Спиваков играет самых сложных авторов — Стравинского, Шёнберга, Альбана Берга, Бартока, Шостаковича (если называть только имена корифеев “высокого модернизма”). Из новейших композиторов в его репертуар входят Шнитке, Щедрин и Пярт — авторы, сохранившие верность высоким идеалам.

Не так давно я был на концерте Владимира Спивакова в Карнеги-холле: переполненный зал, много молодежи... После концерта, пробираясь к выходу сквозь нарядную возбужденную толпу, я прислушивался к разговорам, присматривался к лицам: они прекрасны, они сияют, одухотворенные только что прозвучавшей музыкой.

А звучали Брамс, Стравинский, Шостакович — программа, которую облегченной ну никак не назовешь. И зна-

ете чему зал аплодировал азартнее всего? Стравинскому! А почему? Да потому, что Спиваков сыграл его “Итальянскую сюиту” с таким увлечением, напором и блеском, что слушатели, многие из которых, как я подозреваю, услышали музыку Стравинского впервые в жизни, были ею захвачены и очарованы.

Вот он, секрет Спивакова, вот его миссия: он сообщает высокому модернизму, чьи лидеры к публике, чего уж там греха таить, иногда питали чувства весьма недружелюбные (а публика в ответ платила им той же монетою), “человеческое лицо”. Тот же Стравинский всю жизнь прятался за разными масками, любил провозглашать, что и музыка вообще, и его собственная в частности, “ничего не выражает” и уж тем более “ничего не изображает”. “Нет, — настаивает Спиваков, беря в руки скрипку или выходя к оркестру с дирижерской палочкой, — и выражает, и изображает. Вот послушайте!”

Скрипач Натан Мильштейн, хорошо знавший Стравинского, доказывал мне, что на самом-то деле Игорю Федоровичу нравилось иметь успех, просто жизнь его столько раз царапала, что у него выросла защитная броня, а уж тогда сложилась и соответствующая эстетика. Не знаю, не знаю. Но точно знаю, что творческая стратегия Спивакова, как бы ни фыркали на нее “снобы в коротких штанишках”, обожающие повторять процитированные выше высказывания Стравинского, абсолютно легитимна.

Классические музыканты редко становятся объектом всенародной любви в России. Сразу выведем за скобки легендарных оперных певцов прошлых времен: Собинова, Козловского, Лемешева. (Заметим, все — тенора.) Над ними, разумеется, возвышается гигантская фигура Шаляпина, именно что баса, каким-то непостижимым лично

для меня образом сумевшего завоевать позицию номер один. Его рекорд никем еще не побит.

Но вспомним несомненных чемпионов советской поры: скрипача Ойстраха, пианистов Рихтера и Гилельса, дирижеров Мравинского, Светланова и Кондрашина. Они служили образцами, были всесоюзно (и даже всемирно) знамениты, но их лица (и личности) в народном сознании не пропечатывались. Это было обусловлено эпохой. Государству нужны были некие символы, а не конкретные личности. Вот Ойстрах — символ советского скрипача, а уж что это за человек, каков он в приватной жизни — это не должно было быть известно.

На Спивакове, в восьмидесятые годы, эта тенденция стала меняться. Тут многое сошлось: начальство как-то размагнитилось, отечественное телевидение стало более амбициозным и предприимчивым. В тот исторический момент оно нашло в лице Спивакова идеального героя: классический музыкант мирового масштаба, широкоплечий красавец, звучным баритоном цитирующий — разбуди его ночью! — Цветаеву, Ахматову и Бродского.

Еще важно, что Спиваков именно скрипач, причем прекрасной выучки. Скрипач для ТВ — самая подходящая натура: пианиста рояль заслоняет, а у виолончелиста, даже самого гениального, взаимоотношения со своим инструментом для “картинки” какие-то не вполне благопристойные — посмотрите, сами увидите. Но скрипач тоже не всякий годится: некоторые закусывают губы, корчат рожи. Крупный план этого не любит. А у Спивакова — величавая осанка, плавные движения рук, благородное бледное лицо, и все это существует в редком единстве, исключаящем какую бы то ни было внутреннюю фальшь или напряжение.

К Спивакову отношение особое: его любят. А любят потому, что он делает великое дело, по секрету и на глазах у всех.

Сначала скрипач Спиваков создал в 1979 году камерный оркестр “Виртуозы Москвы”, затем, в 2004-м, — Национальный филармонический оркестр России. Уже больше двадцати лет существует созданный им благотворительный детский фонд, известный теперь во всем мире. Кто-то скажет: разбрасывается! уж лучше играл бы на скрипке! Но Спиваков не может жить по-другому. Ему всегда было тесно в узком пространстве личного успеха. Его неумолимо притягивает желание поделиться музыкой, добром, участливостью, “поделиться собой”. И ответная эмоция публики делает его сильнее.

За помощь в работе над этими диалогами мы с Владимиром Спиваковым сердечно благодарим Елену Шубину, Сати Спивакову, Ларису Саенко и Кларису Пульсон.

СОЛОМОН ВОЛКОВ

*“...наши изделия говорят о нас больше,
чем наши исповеди...”*

И. Бродский

*“Возможно, искусство есть просто реакция
организма на собственную
малоемкость”*

И. Бродский